

An abstract painting featuring a central pomegranate. The pomegranate is depicted with a yellowish-green outer shell and a bright orange-red interior. The background is a vibrant mix of red, green, and black, with thick, expressive brushstrokes. The overall style is expressive and modern.

ДЖАВИД АЛАКБАРЛИ

*Нагнор морт
с франигами*

Джавид Алакбарли

Натюрморт с гранатами

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69473992

SelfPub; 2023

Аннотация

Эта история о художнике, который относит себя к числу тех, кого называют «ники-отрицающими». Он предельно изолировался от окружающей его действительности и занимается только тем, что пишет на заказ портреты людей, уже покинувших наш мир. Этим он зарабатывает себе на жизнь. И обеспечивает своё право жить в мире иллюзий и воспоминаний о тех днях, когда он был влюблён и счастлив. Поступивший ему новый заказ включает в себя требование написать не портрет, а создать натюрморт с гранатами. Когда-то он очень любил рисовать такого рода композиции, прославившие бакинских художников. Выполняя этот заказ, художник приобретает нового друга и много размышляет о судьбе, силе рока, смысле искусства и предопределённости неожиданных поворотов судьбы. Очевидно, что сама жизнь научила его с чисто суфийской мудростью воспринимать как собственные утраты и приобретения, удачи и провалы, успехи и поражения, так и всё происходящее в этом мире.

Джавид Алакбарли

Натюрморт с гранатами

Я живу отшельником. Причин тому много. Обычно я стараюсь о них не говорить. Но, если мне всё же приходится как-то это объяснять, то, как правило, я не раскрываю истинных причин своего бегства от общества. Близкой родни у меня нет. Друзья практически отсутствуют. Вот и получается, что мало кто имеет право вызывать меня на откровенность. А если же меня всё-таки начинают мучить вопросами типа «зачем да почему», я могу лишь скупо выдать из себя:

– Ну, так уж получилось. Поймите же вы наконец-таки, что просто жизнь у меня так сложилась.

Меня вполне устраивает то, что уже много лет я практически ни в ком не нуждаюсь и мало с кем общаюсь. Все, кому я внезапно становлюсь очень нужен, как правило, сами находят меня. И делают они это самым примитивным образом: они просто приходят ко мне. А найти меня легко. Ведь я предельно открыт миру. Даже на замки закрываюсь очень редко. И то на ночь. Не от людей. От всякой неприятной лично для меня живности типа крыс, тушканчиков или гекконов.

Дурацкий забор моего сада можно легко перешагнуть, а ворот и нормальной входной калитки у меня просто нет. Да и не было никогда. В периметре забора они всё же предусмотрены. Несмотря на то, что имеющееся трухлявое соору-

жение дышит наладан, но именно через эту псевдо-дверь ко мне обычно и заходят люди. Еще есть зазор в заборе, теоретически позволяющий въезжать автомобилям на мой участок. Но обычно я складываю там огромной кучей обрезанные ранней весной засохшие ветви различных деревьев.

В тот пасмурный день я собирал последние плоды хурмы со своего старого дерева. И вдруг увидел, что у меня во дворе появился незнакомый мужчина. Он был весь из себя настолько городской, что его фигура на моём дачном участке выглядела чужой. А ещё он почему-то показался мне очень рассеянным. Очевидно, с ним явно что-то было не так. А, может быть, он был не рассеянным, а каким-то потерянным? Кто его знает.

Поздоровавшись со мной, он начал внимательно вглядываться в мою неряшливую бороду, в фуфайку диковинного цвета, в джинсы непонятного раскраса. Смотрел и молчал. А потом он всё же задал самый дурацкий вопрос из всех возможных.

– А вы действительно художник?

– Ну, это уж кому как кажется. Например, Ахматову называли Репина мазилой. А официально он всегда считался великим художником.

– Я все-таки соглашусь с ней. Мы можем где-нибудь посидеть и поговорить?

– Да, да. Как скажете. Пройдёмте.

И я повёл его в мастерскую. Пока я заваривал чай и пытал-

ся найти хоть какое-то свободное пространство на моём столе, желая поставить туда чайник и два стакана, он рассматривал мои работы. Про себя я отметил, что он очень воспитанный человек. То ли именно в силу этого, то ли из-за своей застенчивости, он каждый раз спрашивал у меня разрешения на то, чтобы рассмотреть очередной холст.

– Я хочу поставить вас в известность, что я из группы «Крепость». Мы создали её тогда, когда случайно выяснили, что наши сыновья погибли в один и тот же день. Это был день штурма. Мы не ищем визуальных контактов друг с другом. Нам достаточно интернет-общения.

– Стоп. У меня нет компьютера и айфона. Я не захоживаю в интернет.

– Это не важно. Суть же ведь не в этом. Так вот, недавно в нашем сообществе появилось новое повальное увлечение. Не могу сказать, что оно меня очень радует. Скорее, удивляет. Почемуто вдруг всем захотелось иметь портреты своих сыновей. Не фотографии, а именно написанные маслом портреты. Причём в парадной форме. Мне же эта идея с самого начала не очень понравилась. Я не хочу вешать у себя в доме какой-то слащавый портрет своего сына, предназначенный исключительно для того, чтобы продемонстрировать всем, что он весь был такой из себя замечательный и как же это несправедливо, что он погиб.

После этих слов он замолчал. Пил чай, разглядывал костяшки своих собственных пальцев, оглядывался по сторо-

нам. Прошло немало времени, прежде чем он вновь заговорил.

– Если мужчина в наше идиотское время погибает, сражаясь за свою Родину, то этим надо гордиться. Уверен, что о любви к Родине не надо кричать. Её надо просто любить. Тихо и желательно без всяких пафосных слов. И быть готовым ради неё пожертвовать собой. Погибнуть, осознавая, что ты хоть раз в жизни оказался ей полезным. И неважно, остался ли ты в живых после исполнения своего долга, или умер. Главное, что ты этот долг сумел исполнить. Сполна. Сделать всё, что должен был сделать. Как это и полагается настоящему мужчине. Нам же, близким и родным, нужно всего лишь простое понимание того, что это судьба. От неё не уйдёшь. А родителям надо уметь гордиться тем, что тебе удалось вырастить сына, достойного такой судьбы.

Тут он замолчал. Молчал и я. Это было такое добротное мужское молчание, когда каждый думает о своём и рад тому, что сидящий рядом с ним человек не вторгается в его мысли.

Мне трудно сейчас сказать, сколько же времени мы вот так, молча, просидели. Потом он поднял голову. Почему-то вдруг потёр своё лицо ладонями и глубоко вздохнул.

– Я пришёл сюда с весьма странной просьбой. Хочу заказать вам натюрморт с гранатами. Моему сыну очень нравились все эти замечательные работы, которые принесли громкую славу одному из самых известных бакинских художников. Я не прошу вас копировать какие-то его работы. Ведь

все вы пишете гранаты по-своему. Вот и для меня напишите их так, как вам самому это нравится. Словом, я хотел бы заказать большую картину с гранатами. Вроде бы ничего личного. Но мне она будет всё время напоминать о нём. И будет она говорить о нём гораздо больше, чем его лицо или фигура в военной форме.

И тут он поднялся и извлёк из груды хлама, валявшегося у меня в углу мастерской, мой давний рисунок. Это была очень старая работа. Чуть ли не студенческих времён. И там действительно были изображены гранаты.

– Вот, что-нибудь в этом роде. Возьмите эту бумажку. Здесь у меня записаны размеры. Назовите мне цену и срок. Могу оставить задаток.

Моя цена почему-то его сильно удивила. И он решил вместо задатка оставить мне всю стоимость картины. А потом мы с ним начали снова пить чай. Конечно же, чай я заварил снова и даже выставил на стол какую-то тарелочку со сладостями. На всякий случай. Хотя мне очень нравятся люди, которые умеют пить чай просто так. Ни с чем-то. Не портя его вкус ни ли моном, ни какими-то травами или конфетами. Пить чай, как настоящий мужской напиток – это особое искусство. Оно должно быть изначально заложено в человеке. С годами оно оттачивается, приобретает свой законченный облик. Но, если это с самого детства не заложено в человеке, то бесполезно даже пытаться сформировать у него такую любовь.

Когда я говорю, что умение пить чай – это величайшая редкость в наше время, то обычно надо мной смеются. Но это всего лишь констатация факта. А ещё, конечно же, надо признаться, что я был приятно удивлён тем, что мой гость действительно умел пить чай. Он пил его так, как обычно пьют в чайхане. Это сразу расположило меня к нему. Мужчина уже уходил, когда вдруг обронил такую фразу:

– Я был настолько самонадеян, что когда ехал к вам, захватил с собой несколько холстов и коробок с красками. Я знаю, что все художники обычно покупают их в этом центре искусств, что у метро. Вот туда я и заглянул. Если вы разрешите, то я попрошу своих ребят разгрузить всё это.

И тут в моей мастерской появилась парочка весьма колоритных личностей. Они выгрузили такое количество холстов и красок, что стало очевидно, что в том магазине художественных товаров этого мужика просто развели. Как самого наивного лоха. Единственное, что радовало меня, заключалось в том, что всё это было высочайшего качества. Напоследок он выложил передо мной почти двухметровый чек и сказал:

– Мне объяснили, что если вас что-то в этом не устроит, то все эти товары можно обменять. Ну, на те, что вам больше подходят.

Когда он уехал, я сразу же позвонил в этот магазин. У его владельца была ещё небольшая галерея, и он нередко выставлял там на продажу какие-то мои работы. Мне нравился этот

человек. Он не выпендривался и не строил из себя великого знатока искусства. Он так и говорил:

– Я ни черта не понимаю во всём этом. И не пытайся мне что-то объяснить. Помни, что прежде всего я обычный торгош.

Действительно, он был торгошом. Но не совсем обычным. И дело своё знал очень хорошо. При этом оставался вполне приличным человеком. Прекрасно знал конъюнктуру рынка. Нет, не арт-рынка. Такого у нас просто не существовало и вряд ли скоро он появится. Каков был спрос, таково было и предложение. Так вот, этот тип точно знал, что можно продать, а что нет. Он хорошо понимал, что, скажем так, различного формата сладенькие букеты и подсолнухи «а ля Ван Гог» пользуются у всех большим успехом. И считал, что именно вот это и надо всем рисовать. Исключительно потому, что только это и покупают. А всё остальное он называл выпендрёжем и считал блажью тех художников, которых он называл неудачниками.

Мы хорошо знали, что если ты рисовал нечто вне установленных рамок, то практически мог выручить сумму, чуть большую стоимости холста и красок. Этот небольшой навар и являлся мизерным вознаграждением за твою работу. Ясно было, конечно, что это чисто торгошеская политика, но тем не менее, её результатами все были довольны. Художники были рады тому, что у них есть хоть какая-то работа, а все эти колоритные персоны, называющие себя галерейщиками,

свой интерес никогда не упустили и хорошо зарабатывали на посредничестве.

Бывали у них и авралы. Это происходило тогда, когда открывался какой-то новый отель или крутой офис и им давали поручение «окультурить» его. Тогда наступал пик их активности. В этом случае они могли даже придти к тебе в мастерскую, забрать практически все готовые работы и заплатить вместо обычной стандартной – двойную, а то и тройную цену.

Через час после моего звонка у меня объявился владелец того магазина с уже новым набором холстов, красок, разных-всяких кисточек и прочей мелочи, столь нужной каждому художнику. Всё это было уже отобрано по моему заказу. То, что для меня было заведомо бесполезно, он собрал в кучу, чтобы увезти. При этом он, как напуганный птенчик, всё выхаживал по мастерской и приговаривал:

– Чувак, но я же не знал, что всё это для тебя. Этот мужик был абсолютно неадекватен. Он готов был скупить весь магазин. Как я мог упустить такую возможность! Я был уверен, что это прихоть его очередной пассии. Я бы зуб отдал в споре, твёрдо убеждённый в том, что всем этим никогда не будет пользоваться профессиональный художник. Кстати, имей в виду, что если ты уж нашёл такого супер-пупер клиента, то можешь теперь рассчитывать на постоянный кредит у меня.

Я почти не слушал его. Ведь у нас все убеждены в том, что труд художника стоит копейки. А сам он – это просто

обслуга. Нечто, стоящее ровно посередине между менеджером и маляром. Я как-то участвовал в заказе на оформление какого-то очередного чуда ресторанного бизнеса и мог воочию убедиться в том, какое место в иерархии ценностей этих денежных мешков занимают художники. Но я не собираюсь никого просвещать во всех этих вопросах. Более того, я считаю, что художник вообще не должен много говорить. Его искусство требует тишины. Вот именно поэтому он сам и не должен её нарушать.

Всегда был уверен в том, что я неплохой художник. Один из тех крепких профессионалов, на которых и держится наша профессия. Как хороший рисовальщик, я много чего могу. Но всегда рисую именно то и в точности так, как хочется мне самому. И, конечно же, именно тогда, когда мне хочется рисовать. Прекрасно при этом понимаю, что всё это никому, кроме меня, не может быть интересно. А ещё я могу имитировать стиль, эпоху, манеру письма многих художников прошлого. Да и современников тоже. Причин, почему я имитирую других, очень много. Не нужно перечислять их все. Достаточно лишь сказать, я давно уже не живу полной жизнью. Я выживаю.

Вернее будет даже сказать, что я доживаю. И как человек, и как профессионал. Поэтому всё то, что я рисую, не предназначено ни для выставок, ни для каких-то художественных

альбомов. О таких, как я, искусствоведы пишут в своих самых скучных книгах и статьях. Сначала характеризуют какое-то направление в живописи, а потом через запятую перечисляют всех тех, кого к нему относят. В конце этого нехилого списка можно иногда найти и мою фамилию.

Мне немало лет. Я почти уже прожил всю свою жизнь. Думаю, что мне осталось совсем немножко. И жизнь моя очень непроста. Многое в ней было. Даже большая любовь и острая горечь потерь. В сухом остатке я – человек без семьи, без детей, без особого достатка и высокого общественного положения. Работы мои мало кому известны, а имя моё никому и ни о чём не говорит. Но, тем не менее, низкие цены на мои работы привлекают немало народа. Обычно к таким, как я, приходят сразу после похорон. И приносят при этом какие-то фотографии очень плохого качества. Как правило, приходят сыновья уже после завершения всех обрядов и окончания траура. У них на руках всегда несколько фото, на которых изображены их матери. Непонятно в силу каких причин, но каждому из них хочется после того, как его мать покинула этот бренный мир, иметь её красивый портрет. На нём она просто обязана иметь ангельское выражение лица и выглядеть очень счастливой. Может быть, в жизни она и не была идеалом красоты и добра, но именно такой её хотят видеть на портрете, что мне заказывают. Очень редко, но всё же бывает и так, что заказчик желает иметь пар-

ный портрет. Это когда отец и мать рядом. Этакая счастливая пара. На портрете обязательно должна быть изображена идеальная семья, составляющая надёжную основу нашего традиционного общества. Удивительно, но при этом я обычно получаю в своё распоряжение абсолютно несовместимые фотографии матери и отца. Порой с разницей в двадцать-тридцать лет. Вот и приходится мне кого-то старить, а кого-то молодить.

Странно, но даже в эпоху айфонов мало кто снимает стариков. Не хотят люди, чтобы на моих портретах их родители были по-настоящему старыми. Все хотят видеть их молодыми и красивыми. Даже если родители были, скажем так, совсем не красавцами. Но, хозяин – барин. Что заказывают, то я и рисую. При этом лишь объясняю, что портрет маслом – это самый дорогой вид работы. Акрилом гораздо дешевле. И, наконец, самый дешёвый портрет в моём тарифе – это рисунок пастелью. Работаю я быстро. И, как правило, заказчик и я расстаёмся весьма довольными друг другом.

А потом вдруг случилось нечто, неведомое мне тогда. И в результате вся ситуация изменилась в одночасье. Ко мне, почему-то, стали массово приходить абсолютно другие люди. Их появление было полной неожиданностью для меня. Заказы были уже не на родителей, а на сыновей. Однако, в свете того, что я узнал потом, это было вполне закономерно. Таких, как я, обычно называют осколками минувшей эпо-

хи. Интернетчики даже обозначают нас неким специальным термином: «ники – отрицающие». У меня нет компьютера. У меня нет айфона. Есть лишь кнопочный телефон образца прошлого века. Хотя чаще всего я пытаюсь куда-то дозвониться со своего допотопного стационарного телефона. Да, забыл сказать, что телевизора у меня тоже нет. Новости достигают меня только тогда, когда они в какой-то степени могут затронуть лично меня самого.

Он приехал ровно в срок. Сразу шагнул в мастерскую, где я стоял за мольбертом. – Что, ещё не готово?

– Да нет. Давно всё готово. Я всё-таки сделал для вас два натюрморта. Один в точности такой, как вы просили. А другой немножко отличается от вашего заказа. Но, по-моему, он тоже хорош. Вам понравится.

– Показывайте.

Он просидел у меня почти два часа. Не проронил ни единого слова. Я спокойно занимался своими делами. Размешивал краски. Писал. Когда наступило время обеда, накрыл на стол. Молча кивнул ему, приглашая на кухню. Мы поели. Готовила мне обычно соседка. Хорошо готовила. Она же и закупила продукты, с вечера согласуя со мной, что же она будет готовить. Когда мы закончили есть и начали пить чай, мужик вдруг каким-то надтреснутым голосом начал говорить.

– Это какая-то мистика. Мы только что съели любимое

блюдо моего сына. Я уже три месяца, как его не видел. С того дня, как он покинул мир живых, прошло ровно сорок дней. У меня такое чувство, что то, что вы нарисовали, этот обед и наше чаепитие, по-существу, это какой-то невероятный ритуал прощания с ним. Спасибо вам. Я пойду. Можно всё же я иногда буду захаживать сюда? Просто так. Даже не поговорить. Посидеть. Обещаю, что мешать не буду.

– Конечно же можно.

И он ушёл. Забрал обе картины. В принципе, я считал, что он мог бы мне ничего и не платить. Ведь он меня снабдил холстами и красками почти на целый год. Никогда в жизни у меня не было такого изобилия. Но при этом он оставил мне задаток, равный сумме моего гонорара. Именно поэтому я был ошарашен тогда, когда на следующее утро я обнаружил на том самом стуле, где он сидел, пухлый конверт. Странно. Я не знал ни имени этого человека, ни откуда он. Мне его негде было

искать. И некому было возвращать эти деньги. Этот человек казался мне неким подарком судьбы, неожиданно заглянувшим в мою убогую мастерскую. Просто какая-то почти сумасшедшая, но всё же ставшая реальностью несбыточная мечта нищего художника.

Он ушёл. А я ещё долго не мог успокоиться. Он каким-то непонятным образом смог вытащить меня из моего кокона.

Ведь я считал его весьма надёжным укрытием. И ничего не хотел знать об окружающем мире. Вот и не знал о нём, уверяя себя в том, что это знание ничего мне не способно дать, кроме боли и разочарования. Хоть укрылся я и не в башне, и не была она из слоновой кости, но всё-таки смог выстроить надёжную стену между собой и окружающим миром. Хотя забор себе я так и не построил, но сооружённые мной виртуальные преграды были надёжнее любых сооружений из камня.

Тем не менее, когда этот необычный гость упомянул имя того знаменитого художника, что так любил писать гранаты, он как будто бы включил некую машину времени и перенёс меня в то время, что я так старался забыть. Мне не очень хотелось возвращаться в моё прошлое. Хотя, вернее будет сказать, что очень-очень хотелось, но я чётко понимал, что мысли об этом способны вконец изничтожить меня. Вот и старался оградить себя от всех этих воспоминаний. Запрещал себе думать о том, что способно принести мне столько боли, что я был бы не в силах её вынести.

Тогда я был студентом художественного училища. У нас всегда были неплохие педагоги. Всё, чему они нас обучали, опровергали в своём творчестве художники, чьи имена тогда были у всех на слуху.

Мы ими восхищались, пытались подражать им. Но вместе с тем чётко понимали, что это очень и очень трудно. Для того чтобы рисовать не так, как все, надо было вначале научиться

рисовать именно так, как положено.

Надо было пройти хорошую школу выучки, чтобы начать заниматься разными-всякими там выкрутасами. Ну а ещё, конечно, внутри тебя должна была жить огромная жажда самореализации и понимания того, что ты можешь нарисовать всё, что захочешь, и так, как ты захочешь. Но при этом внутренний магический голос, требовал, чтобы ты всё это сделал именно так, а не иначе. А ведь хорошо известно, что далеко не всем от природы дано желание и умение быть художником не таким, как все.

Искусство – штука суровая и жёстко наказывает тех, кто выбирает его для реализации каких-то своих амбициозных планов по увековечиванию собственного «я». Оно требует от любого человека, осмелившегося встать за мольберт, не только таланта, но и предельной искренности. Если её нет, то нет и настоящего искусства.

Этот мужчина ещё не раз приезжал ко мне. Обычно мы пили чай и молчали. Но однажды всё же разговорились. И он начал задавать вопросы. Разные и всякие. Иногда вполне ожидаемые, а порой даже провокационные.

– Говорят, что вы были в мастерской того знаменитого художника, когда там появился этот французский министр культуры.

– Да, был. Попал туда абсолютно случайно. Да и использо-

вали меня там исключительно как рабочую силу по переноске холстов. Я же весь из себя был такой образцово-показательный и при этом ещё немножко щебетал по-французски.

– Даже так!

– Тут нечему удивляться. Ведь я вырос в совершенно уникальном бакинском дворе. Впрочем, наверное, все старые бакинские дворы того времени были по-своему неповторимы. Каждый из них имел свои особенности. Но было и нечто такое, что роднило их. Об этом можно много говорить. От ностальгии по тем удивительным временам можно даже расплакаться. Этот неповторимый дух истинного бакинства невозможно излить в слова. Он, к сожалению, почти полностью исчез, испарился, выветрился. И не подлежит восстановлению. В тех дворах жили представители многих национальностей. А ещё много разных кровей было намешано как в прошлом, так и в настоящем каждой из семей, обитающих здесь.

Сейчас, даже в самых смелых фантазиях, невозможно себе представить весь тот калейдоскоп лиц, которых занесло в Баку в период первого нефтяного бума. Но, как ни странно, не только нефтяники, но даже чьи-то любовницы и бонны из семей тогдашних нефте-баронов как-то смогли потом вписаться в советское общество. Каждый из них нашёл свою нишу. Их периодически «вычищали». Но всё равно кто-нибудь да и задерживался. Вот и учили они нас тому, что знали сами. Иностранные же языки они знали очень хорошо. Для

многих из них эти языки были родными.

– Повезло вам. Об этом французском политике ходили легенды.

– Честно говоря, тогда все говорили, что если хотя бы половина из того, что о нём было известно, является правдой, то это должен быть самый удивительный человек на земле. Про него было известно, что он был лётчиком. А ещё при этом писал романы и даже получил знаменитую литературную премию за книгу о китайской революции. Был знатоком восточных языков. Вся его биография кажется каким-то нереальным вымыслом. Он ухитрился обсуждать вопросы революционной борьбы в полемике с самим Троцким. И даже выступал на Первом съезде советских писателей. При этом он ещё воевал против фашизма и в Испании, и во Франции.

– Как боевой лётчик?

– Ну да. Почти как Экзюпери. Но от Экзюпери остался «Маленький принц». И эта удивительная книжка, адресованная не то детям, не то взрослым, никогда не даст забыть о нём. А этот француз не умел писать так просто. Писать для всех. Он был настроен на абсолютно другую волну. Читать и понимать его могли только интеллектуалы.

– А вы читали?

– Урывками. Художники вообще-то не очень хорошие читатели. Так вот, я лишь один раз в жизни жалел о том, что у меня никогда не бывает денег. Я видел в Москве, в букини-

стическом магазине уникальную книгу этого француза. Это был такой «кирпич» в восемьсот страниц, переведённый на русский язык. Мне он был не по карману. Но всё же, когда я там же, в магазине, прочитал краткую аннотацию, то сразу понял из неё только одно – для этого француза никогда не существовало каких-либо жёстких границ между цивилизациями. И он очень много знал о влиянии и взаимодействии различных культур. Но у меня было немало информации об этом человеке и до того, как взял в руки его книгу.

– А в чём же она заключалась?

– Приведу всего лишь один пример. В те годы только ленивый не знал о том, что этот француз доверил одному талантливому художнику из Витебска разрисовать плафон знаменитой парижской «ГрандОпера». Вы представляете себе, что это такое? Весь мир считает Париж центром искусства. А для каждого французского художника делом чести является желание приобщиться к истории этого великого театра. Это же означает не только то, что в театральных буклетах, наряду с великими людьми, будет упомянуто и ваше имя. Это ваш билет в бессмертие.

– И такую работу вдруг отдали не французу?

– Да. Просто поразительно! Вы представляете себе, какая бомба разорвалась во французском обществе?! Очевидно, что каждый парижский художник должен был возненавидеть этого министра культуры. Они и ненавидели. Но сделать ничего не могли. Ведь этому французу так никто, ничего и ни-

когда не смог запретить. У него была индульгенция от самого президента страны.

Тот считал, что пока этот блестящий интеллектуал является министром культуры, никакая посредственность не сможет приблизиться к французскому искусству и литературе. Был убеждён в том, что если на страже культурных интересов нации стоит такой великий человек, с ней всё будет хорошо.

– И что же там происходило, в этой мастерской?

– Это очень долгий разговор. К тому же прошло много лет и я всё это уже плохо помню. Но может быть, как-нибудь потом я и расскажу вам об этом. Если у вас найдётся время и желание выслушать меня.

Он уехал. Я же пытался успокоиться. Но мне не удалось это сделать. Бессонница терзала меня до самого утра. Переделав все свои дела, я попытался поспать днём. Не получилось. Этот разговор каким-то образом растревожил меня и заставил вернуться в прошлое.

Так и не совладав со своими эмоциями, я встал за мольберт и начал рисовать. Работал, как говорится, до полной потери пульса. Совершенно обессиленный я свалился на свой допотопный диван. Так и уснул в мастерской, нарушив одно из самых главных правил моей нынешней жизни. Оно было предельно простым и примитивным. Но незыблемым. И состояло оно в том, что я всегда должен был спать в своей кровати. Причём обязательно на чистых накрахмаленных про-

стынях. В моём советском прошлом это считалось верхом блаженства.

Вот я и блаженствовал. Вернее, убеждал себя в том, что в моём возрасте и в моём положении именно это и является одним из немногих доступных мне форм на стоящего наслаждения.

Хотя утром тело и ломило от продавленных подушек и торчащих пружин этого ужасного дивана, но голова почему-то была очень ясная. И тревожных мыслей в ней практически не оставалось. Вернее, я смог своё беспокойство излить в этом портрете. С моль берта смотрела моя первая любовь. Первая женщина и трагедия всей моей жизни.

Когда от меня гость требовал подробностей моего пребывания в той знаменитой мастерской, то я ловил себя на том, что мне очень трудно быть объективным. Я не мог оставаться беспристрастным, описывая всё, что происходило в мансарде, служившей мастерской этому поразительному художнику. Причин тому было много. Самая главная же из них заключалась в той девушке, которую я встретил там.

Я был тогда на последнем курсе художественного училища. Это сегодня, спустя годы, кажется, что всё, что происходило там, было столь необычно. Но там не было никакой помпезности, аплодисментов и обстановки безмерного восхищения. Всё выглядело очень и очень обыденно. Сейчас мне кажется, что вся эта история в первую очередь, конечно же, изрядно вымотала нервы представителей спецслужб.

Их возмущало всё и вся. Даже саму эту встречу они считали просто безумием. Они, иногда озвучивая это вслух, задавали всего лишь один, но весьма каверзный вопрос:

– Ну, что может советский художник обсуждать с этим буржуйским министром культуры?

Но, тем не менее этот француз обладал таким весом в политике и в мире искусства, что ему никто не мог отказать. Нет, он не был коммунистом. Просто в тридцатые годы, когда антифашистское движение только формировалось, он чётко знал, по какую сторону баррикад ему необходимо быть. И сполна исполнил свою миссию. И как воин, и как политик. Он сумел сказать фашизму своё категорическое: «Нет». В Советском Союзе это запомнили и сразу занесли его в список лучших друзей.

Про него говорили, что он является одним из самых признанных специалистов по Достоевскому. Что он влюблён в русский авангард. И неустанно его пропагандирует. И этот невероятный интеллектual стоял от меня на расстоянии вытянутой руки. Просто в силу того, что там было безумно тесно. Холсты, мольберты, куча завершённых и ещё не законченных работ безмерно ограничивали свободу движений каждому из нас.

Художник и этот гость говорили по-французски. Звучало много комплиментов. Француз задавал очень чёткие вопросы и весьма профессионально оценивал всё то, что он видел. Убеждал нас в том, что на этих замечательных полотнах

встретились Запад и Восток. Не просто встретились, а смогли слиться воедино и вдохнуть жизнь во все эти шедевры.

Конечно же, я не всё понимал. Мой французский язык был хорош, но очень архаичен. Это был скорее язык прекрасных романов девятнадцатого века, а не тот беглый разговорный, который был здесь так необходим. Но ведь его нельзя было усвоить без пребывания в среде языка. А я же никогда и никуда из Баку не выезжал.

Всё время, пока художник и его гость беседовали, шёл перевод. Он был предназначен для чиновников, что представляли здесь официальное искусство, и тех лиц, присутствие которых было обязательно во время любой встречи с иностранцами. Очевидно, что весь этот протокол заранее обговаривался с представителями соответствующих спецслужб. Перевод был первоклассный, но саму переводчицу мне трудно было разглядеть. Я честно старался запоминать каждое слово. Понимал, что всё то, что звучит в мастерской, невозможно будет услышать ещё где-то. Ну и всё это было просто очень интересно.

Здесь речь шла о том, что шар земной настолько мал, что ни одна культура не может укрыться от влияния другой. Француз говорил, что без влияния японской живописи не было бы импрессионистов, а без них не было бы русского авангарда, как и таких прекрасных работ, что находятся в этой мастерской. А ещё он говорил о восточной миниатюре, о средневековых рукописных книгах, о коврах и древних ор-

наментах. О том, что в искусстве всё решает, в конечном итоге, личность самого художника и его видение мира. И повторял, что всё это, от магии ковра до раскованности импрессионистов, сплелось воедино в работах этого прекрасного бакинского художника.

Во всей этой чехарде вдруг в мою спину буквально вонзилась женская грудь. Оказывается, что когда пытались достать очередной холст, желая показать его французу, эта хрупкая девочка-переводчица потеряла равновесие и чуть не сшибла меня с ног.

Я даже не успел открыть рот и выразить своё возмущение, когда вдруг разом осознал, что эти бездонные глаза предназначены исключительно для того, чтобы я в них утонул. Эту операцию по превращению меня в настоящего утопленника я смог реализовать сполна. С того самого момента, когда судьба буквально столкнула нас друг с другом, мы практически выпали из реальности. Уходили из мастерской уже взявшись за руки. Как потерявшиеся дети, которые наконец-то нашли друг друга, но боятся вновь потерять уже найденное.

Я привёл её к себе домой. Не было никаких признаний в любви. Вообще никаких разговоров просто не было. Да и не могло быть. Мы казались друг другу зеркальным отражением: я, глядя на неё, видел себя, а она существовала во мне, независимо от того, касались ли мы друг друга, сливались ли воедино или просто обменивались какими-то ничего не значащими словами.

Но при этом мне всё же с самого начала казалось, что эта переводчица очень странно себя ведёт. Она практически не выходила из моего дома. Готовила какие-то простые, но очень вкусные блюда. Читала какие-то книги из моей библиотеки. А ещё она часами валялась на диване и любила меня как может любить женщина, предназначенная тебе самой судьбой.

Я стал её комнатной собачонкой, её бессловесным рабом, её сошедшим с ума любовником... Она почему-то именовала меня господином и повелителем, каждую ночь превращаясь в мою Шахерезаду. Мне было очень странно, что она была такой молчаливой днём, но обожала рассказывать мне что-то после того, когда мы наконец-то могли оторваться друг от друга.

Да что там обсуждать какие-то мелочи и детали. Но все они просто так врезались мне в память, что уже не забыть и не стереть. Сегодня, да и наверное и тогда, я хорошо понимал, что она могла бы скормить мне любую отраву. И я поедал бы её, блаженствуя от того, что ко всему этому прикасались её руки. Съел бы всё без остатка, даже предельно чётко зная, что всё это может свести меня в могилу. Мне до сих пор жаль, что я не умер в один из этих счастливых дней. А потом мы сели в автобус. И долго ехали на эту самую дачу. Это случилось уже после того, как я защитил диплом, и наконец-то окончил художественное училище. В городе было уже жарко, деньги кончались, а бакинские сёла всегда обла-

дали уникальной способностью снабдить человека всем, что ему нужно для жизни.

Дача, на которой я жил, была всего лишь маленьким кусочком огромного участка земли моего прадеда. Говорят, что в годы войны с фашизмом он, очень старый и немощный человек, смог прокормить на этой земле всех своих беспомощных женщин, пока их мужья, сыновья и внуки были на фронте. Просто не дал им умереть с голоду, питаясь одним лишь хлебом по карточкам той категории людей, которых называли иждивенцами.

Вот и нас дача кормила всё лето. Мы покупали свежеспечённый хлеб и сыр у соседей, вместе стряпали какую-то простую еду из овощей, что росли у меня в огороде, и постепенно растворялись друг в друге. Мы были настолько счастливы, что даже не осознавали этого сполна.

Всё это разом закончилось в одно злосчастное утро.

Мы только проснулись и собирались завтракать. Я собирал инжир и виноград, а она заваривала чай. Эта троица вдруг ворвалась к нам на дачу, извергая такую агрессию, что я просто испугался. Вначале ничего не мог понять. Этих людей я не знал. Но выражение лица моей девушки явно свидетельствовало о том, что хотя бы одного из них она точно знала. Самого красивого, самого высокого и самого злого.

Он заговорил, бросая обвинения в её адрес, как тяжёлые камни.

– Как ты могла? Что ты нашла в этом молокососе? Ты

столько времени пряталась от меня и это доказывает лишь одно: ты хорошо понимала, что ты надела ла. Вот и спряталась. Иди и садись в машину.

Она, как зомби, поплелась к дороге. Но тут на её пути встал я.

– Никуда она не пойдёт. Кто вы такие и что вы себе позволяете?

– Это уже становится интересно. Неужели тебе совсем не дорога твоя жизнь?

Через минуту раздался треск, и моя правая рука повисла как плеть. А потом эта тяжёлая железяка ударила меня по ногам. В этот момент все отвлеклись на то, чтобы оторвать от меня мою девушку. У неё была настоящая истерика. В ответ на её плач этот вершитель наших судеб решил проявить хоть какое-то сострадание.

– Хватит. Ему достаточно. Когда доедем до города, я вызову ему «скорую». Будь здоров, дорогой. И запомни на будущее, что такие женщины никогда не бывают бесхозными. У каждой из них есть хозяин. И не важно, кто это: муж, любовник или просто влюблённый в неё настоящий мужик. Он никогда не позволит, чтобы такая шваль, как ты, дотрагивалась до того, кого он не достоин.

«Скорая» действительно приехала. Не так скоро, как хотелось бы. Ведь для меня, как для человека абсолютно нетерпимого к боли, это был адский эксперимент. Боль уже была просто тотальной и невыносимой. Я был безмерно благода-

рен тому немолодому врачу за то, что он смог своими уколами уменьшить её до уровня терпимой. Отвезли меня в больницу в Сабунчах. И здесь мне очень повезло. Ведь ещё со времён Нобелей в больнице работал известный всем в нашем городе прекрасный травматолог.

Именно он и даровал мне единственный шанс на спасение. Обычно с такими переломами никто долго не возится. Режут всё то, что уже превращено в осколки, и спасают тебе жизнь, превращая в инвалида. От ампутации меня спас только этот чудо-врач. Он сумел собрать воедино все мои косточки, и вскоре я снова смог ходить. С правой рукой он возился не меньше, чем с моими ногами. Успех был ошеломляющий. Недаром он меня с такой гордостью демонстрировал всем будущим травматологам, находившимся здесь на практике.

Они и рассказали мне, что он, закончив Берлинский университет в начале двадцатого века, приехал в эту построенную для нефтяников больницу. Тогда он был совсем зелёным юнцом. Теперь же он считался настоящим патриархом и неким живым свидетельством успешной социальной политики, проводимой семейством Нобель. Мой же случай он рассматривал как вызов всем канонам медицины и лично ему, как врачу. И всё время повторял, как мантру, абсолютно лишённую всякого смысла фразу:

– Господь бог не для того сотворил этот шедевр мужской красоты, чтобы дать какому-то негодяю возможность превратить его в инвалида.

Всю последнюю неделю своего пребывания в больнице я рисовал портрет моего целителя, а он убеждал меня, что всё-таки надо написать заявление и пожаловаться на тех, кто так желал превратить меня то ли в труп, то ли в живую грудку обрубков.

– Говорят, что когда к тебе пришли из милиции, ты им сказал, что упал на какие-то железки? Это правда?

– Да.

– И почему ты такой идиот?

Конечно же, всё, что происходило в тот злополучный день у меня на даче, я не мог рассказать ни своему врачу, никаким-то следователям. Я очень боялся боли. И понимал, что если буду жаловаться, то мне опять сделают больно. Да и навряд ли кому-нибудь будут интересны подробности всего того, что случилось на моей даче. Эти люди были мне незнакомы, и не было каких-то существенных зацепок, чтобы разузнать всё это. Но по тому, насколько наглым образом они вели себя, мне было понятно, что это именно те люди, которые ничего и никого не боятся. Все эти дни я отчаянно пытался найти свою девушку. Расспрашивал о ней всех. Ведь ко мне нередко заходили мои сокурсники и соседи по даче. Никто ничего не знал.

Люди, что жили по соседству со мной, почему-то тесно опекали меня в больнице. Они приходили каждый день. И

все наши разговоры заканчивались тем, что мне рассказывали о том, что земля, на которой они сейчас живут, когда-то принадлежала нашему роду. Мне это всегда казалось очень забавным. Мало ли кому когда-то что-то принадлежало. Ведь в конечном счёте отобрали у всех всё. Сделали всех предельно равны ми. Наверное, и в этом равенстве, и в этой нищете все стали вдруг очень счастливыми.

Соседи же, в свою очередь, пытались разъяснить мне свою позицию. Говорили, что один прадед закончил духовную академию в Багдаде и был почти святым человеком. А другой учился в Каире и в силу того, что в тридцатые годы сопротивлялся процессу превращения одной из красивейших мечетей города в склад, был расстрелян. А ещё они считали, что наш род нельзя обижать и что тот человек, который поднял на меня руку, обязательно будет наказан.

А девушка моя просто исчезла. Её не было нигде. Как-то поздно вечером ко мне в палату всё же наведалься тот самый Злой человек.

– Извини за всё. Я, конечно же, был в бешенстве и не знал, что творю. Хорошо, что всё обошлось. Но я пришёл, чтобы сказать тебе, что хотя я и увёз её, но в конечном итоге я даже не догадываюсь, где она может быть. Ведь она просто пропала. Испарилась. Растаяла в воздухе, как видение. Я приглядываю за тобой и точно знаю, что и к тебе она не вернулась.

– Я же здесь, в больнице. Ей некуда возвращаться.

– Говорят, что ты уезжаешь на учёбу. Если она когда-ни-

будь объявится в твоей жизни, то я хотел бы знать только, что с ней всё в порядке. Просто черкни мне пару строк. Вот адрес. Я обещаю, что не буду вам мешать. Но мне очень боязно за неё. Ты, конечно, считаешь меня просто чудовищем. Правильно делаешь. Я и есть чудовище. Но ведь и такие, как мы, тоже имеем право на любовь. И если бы не появился ты, то она стала бы послушной игрушкой в моих руках до конца своей жизни. И все были бы счастливы. И откуда ты только взялся?

Перед моей выпиской домой Злой человек снова объявился.

– Я всё выяснил. Мы с тобой просто два болвана, которые абсолютно ничего не знали об этой девушке, вдруг ставшей такой важной для нас. Оказывается, что она дочь дипломата. Родилась и выросла во Франции. Поэтому, когда искали самого лучшего переводчика для той встречи и не могли найти настолько доверенного человека, чтобы он знал французский как родной, то её отец и отправил её сюда. Она приехала за несколько дней до этого визита. Её познакомили с этой живописью, с искусствоведческими терминами, с биографией художника. Словом, готовили почву для качественного перевода.

Я же познакомился с ней совершенно случайно. Начал ухаживать. Был уверен, что ещё немного, ещё чуть-чуть и я смогу назвать её своей девушкой. Она мило улыбалась, не говорила ни «да», ни «нет», но, тем не менее, была вместе

со мной все эти безумные ночи. А ещё всё время удивлялась моей настойчивости и желанию перевести наши отношения на другой уровень. Она казалась мне настолько наивной и доверчивой, что я был убеждён в том, что не нужно даже строить какие то планы по её окончательному завоеванию. Она была мотыльком, а я был тем самым огнём, в котором ей и предстояло сгореть. Но мотылёк вдруг исчез.

Я молча его слушал. Просто стиснул зубы и старался ничего не говорить.

– Ты даже не в состоянии себе представить, каких трудов мне стоило найти вас на этой убогой даче. Я привёз её от тебя на квартиру её отца, и она мне твёрдо обещала, что наутро мы встретимся. Но когда я утром там появился, то квартира оказалась заперта. Её нигде не было. Я ходил к её дверям каждый день. Как на работу. Утром и вечером. И вот сегодня какая-то старушка со второго этажа пожалела меня и сказала:

– Милый мой, да не ходи ты сюда. Нет же её. Она к отцу улетела.

– А куда это к отцу?

– А я не знаю. Он же где-то в посольстве работает. Я и не знаю, в каком.

Я слушал его и начинал осознавать размеры и объём постигшей меня катастрофы. Для меня это была не информация. Это была не новость. Это был просто приговор. Вынесла мне его сама жизнь, а вот исполнителя так и не назначила. Не

было человека, специально выделенного для того, чтобы повесить меня, расстрелять или отдать в распоряжение её величества гильотины. Гильотины не было тоже.

В тот дождливый вечер в убогой сабунчинской больнице я просто умер, и меня благополучно похоронили на участке, где закапывают в землю тех, чей труп остался невостробованным со стороны близких или дальних родственников. На земле вместо меня осталась доживать моя жалкая копия, лишённая каких-либо чувств и эмоций.

А потом я уехал в Москву, на учёбу. Казалось бы, во всей этой истории была поставлена точка. Вроде я должен был бы радоваться тому, что остался жив и был почти здоров. Если не считать того, что в преддверии любого дождливого дня мои кости начинали ныть как у сто летнего старика, то всё было прекрасно. Новые друзья. Хорошие учителя. Ну и ещё пепелище моей любви.

Где-то на третьем курсе я хотел бросить учёбу. Ведь всё то, что произошло со мной, в конечном итоге надломило меня. Я же понимал, что без ярких чувств, накала эмоций и массы новых впечатлений нет и не может быть настоящего художника. Меня многому научили, но это было всего лишь ремесло. Я мечтал уже даже не о том, чтобы вернуть эту девушку, а просто хотел обрести возможность вновь испытать хоть со тую долю тех чувств, что пережил тем летом.

Хотел, чтобы меня вновь штормило. Мечтал, чтобы небо вновь было в алмазах. Надеялся, что я вновь могу утонуть

в чьих-то бездонных глазах. Но всё это оказалось невозможным. Было такое ощущение, что всегда живущий внутри меня яркий внутренний огонь странным образом потух, а сам я превратился в холодный камень.

А потом у меня состоялся разговор с куратором нашего курса. Когда до него дошли слухи о том, что я хочу бросить учёбу, он пригласил меня к себе. Выслушал. Мне казалось, что я был убедителен и мне надо уходить из вуза.

– Вот этого как раз таки делать не надо. Жизнь меняет нас. Порой ломает. Но иногда всё-таки даёт шанс обрести самого себя. Каждый год наш вуз оканчивает немало людей. И что же, все они становятся великими художниками? Конечно же, нет. Кто-то будет писать портреты вождей к первомайской демонстрации, кого-то возьмут на работу в театр или кино... И лишь единицы будут заниматься настоящим творчеством. Кто же знает, как у тебя всё сложится. А институт надо оканчивать. Не уходи. Поверь моему опыту, что у тебя всё-таки есть талант. Не зарывай его в землю. Там и так находится много того, что кому-то и когда-то так и не пригодилось.

Я его послушался. Вуз окончил и поехал по направлению в провинциальный театр. Малевал декорации, создавал костюмы, даже освоил профессию художника по гриму. Словом, наполнил рутинной все свои дни, не позволяя себе ни на минуту задуматься о том, что когда-то потрясло все основы моего размеренного существования. Женился. На актрисе нашего же театра. Правда, она очень скоро ушла от меня к

более успешному мужчине, чем я. Он блистал на сцене, играя героев-любовников, а о моём же существовании театралы могли узнавать лишь из театральных афиш. Там, в скромной графе, в самом низу афиши, где полагается указывать имя художника-постановщика, стояла моя фамилия.

А потом я всё же вернулся в Баку. Вновь поселился на всё той же даче. Вроде всё было точно так же, как когда-то. Новым было лишь то, что я начал писать гранаты. Ну, почти как тот художник, в мансарде которого меня настигла моя катастрофическая любовь. Я много чего узнал об этом замечательном человеке. Его биография, конечно же, была достойна самого сентиментального романа. Если бы кто-то мог хорошенько расписать всё это, то молоденькие девушки рыдали бы в голос, поражаясь всем тем испытаниям, которые выпали на долю его семьи.

Оказывается, его отец был очень талантливой личностью. И он попал в тот список избранных, по которому в начале двадцатого века свыше сотни юношей отправились учиться в европейские университеты. Он стал прекрасным инженером и влюбился в хорошенькую француженку. Женился на ней. У них родился сын. А потом они втроём вернулись в Баку.

Именно здесь спустя несколько лет и появился на свет этот знаменитый художник. А затем случилось то, что неизменно постигало всех, кому довелось учиться в разных-вся-

ких там Европах. Грянул тридцать седьмой год. Отца объявили иностранным шпионом и сослали в Сибирь, а его мать, как жену врага народа, сослали в Среднюю Азию. Каким-то чудом подруге их матери удалось сберечь этих мальчиков от того, чтобы они оказались в детском доме. Ну, кто его знает, может быть, в силу массовости репрессий детские дома были настолько переполнены, что их практически никто и не искал.

Большая любовь и огромная трагедия в этой семье оказались самыми близкими соседями. Они смогли пережить все эти тяготы. Отец вернулся из Сибири, и его отправили строить Мингечаурскую гидроэлектростанцию, а мать, выжившая исключительно благодаря тому, что она умела прекрасно шить и сооружать фантастические шляпы из любого подручного материала, вернулась в Баку.

Удивительно, что несмотря на все эти трагические события, все работы этого художника преисполнены света, добра и красоты. Недаром всё его творчество часто называют искусством сотворения праздника. В нём французский шик прекрасно сочетался с благородством старинного дворянского рода. Да и художником он был от бога. А ещё он был очень плодовитым художником. С удовольствием дарил свои работы. Их немало в домах у старых бакинцев. А потом он оказался настолько востребованным на Западе, что уехал отсюда. Умер во Франции. Там его и похоронили.

В Баку у него есть две удивительные мозаики. По прямой

линии их отделяет друг от друга ничтожно малое расстояние. Одна из них располагается в детском театре, и в ней отражено всё многообразие магического мира сказок. А другая мозаика создана на стене в здании парламента. На ней нашла своё достойное отражение чарующая всех нас красота нашей родной земли. Словом, это два лика одного большого таланта, в творчестве которого вымысел и реальность всегда смело шли рука об руку.

Я почему-то всё время думаю. А это очень и очень вредно. Всё это я очень хорошо понимаю, но тем не менее размышляю о чём-то даже тогда, когда стою за мольбертом и, казалось бы, ничто не должно меня отвлекать от работы. В результате этих раздумий я почему-то постоянно прихожу к каким-то банальным выводам о том, что война и праздник являются теми двумя полюсами жизни общества, без которых жизнь просто невозможна. Все знают, что праздник – это хорошо, а война – это плохо. Но, как ни странно, у них есть и что-то общее.

На войне человек свободен от запретов, налагаемых обычаями и воспитанием. Он смеётся над смертью, потому что именно смех лучше всего защищает его от страха. Но он смеётся и на празднике. Но уже совсем по-другому. Аналогии между войной и праздником очень глубоки и, как это ни парадоксально, именно война и праздник являются простей-

шими формами любви к жизни. Тот француз, что был в бакинской мастерской, прошёл сквозь горнило войны. И именно в силу своего боевого прошлого умел ценить настоящий праздник.

Вся эта фантастической силы любовь к жизни, конечно же, и вызвала интерес того француза к живописи нашего земляка. Ведь у того на полотнах энергия была ключом. Ну почти так же, как нефть из бакинской земли. А это завораживало. К тому же ещё давало надежду на понимание той иррациональной сути бытия, которую так трудно постичь какими-то рациональными подходами и методами.

Прошло полгода. Стояла ранняя весна. В моём саду цвели абрикосовые деревья. Было тепло и хорошо. И вдруг через мой порог вновь перешагнул этот человек. Вместе с ним пришла женщина. Очень красивая женщина. Эта прекрасная пара на фоне цветущих деревьев выглядела почти как сказочное видение. Но всё впечатление портило выражение их лиц. Оно было просто никакое. На них не было отражения горя или трагедии, радости или печали. Казалось, что какой-то великий мастер сначала выписал их лица, а потом взял и стёр прекрасные черты, оставив лишь какие-то намёки и полунамёки. И этот мужчина вновь задал мне всё тот же вопрос:

– Мы можем поговорить?

У меня было такое ощущение, что я повторно смотрю свой какой-то очень старый сон. Я снова заваривал чай. Раз-

ливал его в стаканы. Почему-то мои гранёные стаканы вызвали странную улыбку у этой женщины. Когда я захотел что-то объяснить, она сказала:

– Как это необычно. Такое теперь уже редко увидишь. А вы знаете, что это уже раритет. Говорят, что такой стакан много лет тому назад придумала Мухина. Ну та самая знаменитая скульптор, что создала «Рабочего и колхозницу». Я всегда жалею о том, что никто так и не создал музей быта советского периода. Если бы он был, ваш стакан мог там занять весьма по чётное место.

– Ну зачем уж так сразу музей. Сходите в ресторан «Ширваншах». Там всё это есть. И допотопные пузатые буфеты, и мельхиоровые ложки, и гранёные стаканы, и кабинет директора колхоза. Много чего есть. Я там кое-что оформлял. И могу вас заверить, что там немало подлинных предметов советской эпохи.

А потом они ушли. Так и не объяснив мне ничего. Не поговорив. Я же лишь гадал о том, зачем же они вообще приходили. Может быть, муж захотел продемонстрировать жене такую окаменелую древность, как я?

Навряд ли. Непонятно. И очень странно.

Но ещё более странным было то, что наутро они вернулись. Было очевидно, что ночь у них выдалась бессонная. Их красные глаза были ярким тому подтверждением.

– У вас найдётся время для нас? – Да сколько угодно. Говорите. Слушаю.

– Просто мы хотели посоветоваться. На днях нам доставили очень странное письмо. Да ещё с самого начала хочу сказать, что помимо мальчика, которого мы потеряли, у нас есть ещё сын и дочь. У них всё хорошо, у обоих нормальная семья, растут внуки. Ну я говорю это для того, чтобы вы были в курсе.

– Понял. Но я плохо себе представляю, что я могу вам посоветовать. Я же художник, а не психотерапевт. – Вы очень мудрый человек. А ещё говорят, что вы принадлежите к роду, который всегда пользовался огромным авторитетом в этих местах. Что мудрость у вас в крови.

– Может быть это и так, но, как видите, лично мне это особого счастья не принесло.

И тогда они заговорили. Иногда прерывали друг друга. Порой замолкали. Переглядывались. Могли одновременно выпалить одно и то же слово. Глядя на них, я понимал, что они до сих пор настолько любят друг друга, что умеют общаться даже без слов. Наверняка порой даже читают мысли друг друга. Какое же это счастье найти такого спутника жизни. И тут я поймал себя на том, что просто завидую им.

Только такой бобыль, как я, может до конца осознать, что это такое, когда рядом есть человек, который является про сто частичкой тебя. А ты, в свою очередь – частичка его. Так бывает только тогда, когда у истоков семьи стоит любовь. Большая любовь.

История, которую они мне рассказали, тоже была историей любви. Одновременно и прекрасной, и несчастной. Оказывается, в одном классе с их сыном училась очень красивая и умная девочка. Её звали Алия. Но все почему-то постоянно сокращали это имя. И обращались к ней, называя её просто Лия. Вначале она пыталась объяснить им, что по существу это совсем другое имя. А потом смирилась. Лия так Лия.

Она была влюблена в их мальчика с самого детства. И мечтала, что когда-нибудь наступит такой день, что она признается ему в любви. А он разделит с ней её чувства. Но пока они были малы, просто дружили. Когда у их сына появилась первая девушка, эта детская подружка пришла в их дом и, рыдая, пожаловалась его матери на чёрствость и равнодушие их сына. Мать попыталась поговорить с мальчиком. И тогда он впервые в жизни позволил себе довольно жёстко возразить ей:

– Пойми, я очень хорошо отношусь к Лие. Мы ведь дружим с детства. Я очень её ценю. Но она никогда не сможет стать для меня любимой девушкой. Мои чувства к ней далеки от влюблённости. Она должна суметь это понять и про-

стить меня. Я скорее воспринимаю её как сестру. И не строй, пожалуйста, ложных иллюзий. Ничего не может измениться. А ей не надо питать никаких надежд.

По мере того, как они рассказывали мне эту историю, они ещё и комментировали друг друга, добавляя какие-то штрихи или детали. Разъясняли определённые обстоятельства.

– У нас очень большая разница в возрасте между детьми. Старший сын и дочь родились тогда, когда мы были очень молоды. А этот младший появился спустя двенадцать лет.

– У этой девочки был удивительный характер. И бездна терпения и такта. Она каким-то образом нашла в себе силы переступить через собственное «я». В сложное время их взросления она смогла остаться его другом. Подтрунивала над его пассиями. Заключала с ним пари о том, на сколько же дней у него хватит терпения, чтобы вынести присутствие очередной безумно красивой, но ужасно глупой его избранницы.

Она будет постоянно приходить в их дом вместе с его друзьями. Станет незаменимой нянькой для их сына, постоянно переписывая для него конспекты, доставая нужные книги, заставляя его зубрить всё то, что ему не очень хотелось заучивать, но было так необходимо для успешной учёбы. Он даже хорошие отметки будет получать на спор с ней, а порой и назло ей. И тогда, когда он решит завершить своё медицинское образование в Стамбуле, она ухитрится попасть вместе с ним в тот же университет и даже на ту же специальность.

А потом случится то, что давно должно было произойти. Он всё-таки встретит именно такую девушку, о которой всю жизнь мечтал. Тогда она показалась ему неким прекрасным видением из мира его снов и грёз. Сказочный образ, который вдруг возник перед ним и выглядел, как ожившая мечта. Он будет очень красиво ухаживать. Сделает предложение. Она его примет. И они начнут жить вместе. Как настоящая пара. Даже тогда Лия найдёт в себе силы дружить и с ним, и с ней.

К несчастью, всё это закончилось не очень хорошо. Они уже готовились к свадьбе, решив всё-таки справить её в Бакку. В тот день он забыл свой телефон дома. Заехал за ним и обнаружил, что из квартиры исчезли все вещи его девушки. Дверь в спальню почему-то была закрыта, хотя он прекрасно помнил, что уходя, оставил её открытой. Не было ни записки, ни прощального письма. Создалось такое ощущение, что девушки-то этой и не было здесь никогда.

Лия нашла его через час. Обеспокоенная тем, что он так и не вернулся в больницу, она приехала на эту их съёмную квартиру и застала его сидящим на полу. Он выглядел настолько разбитым, что она не решилась что-то спросить у него. А потом у него зазвенел телефон, но он на звонок так не ответил. Трубку сняла она. И услышала голос его девушки.

– Ой, здравствуй. Как же это хорошо, что ты рядом с ним. Я очень хотела бы встретиться и поговорить с вами. И с ним, и с тобой. Но мой жених не даёт согласия на это.

– Какой жених? Тот твой жених, которого я знаю, сидит

рядом со мной и чувствует себя самым несчастным человеком на земле. А что у тебя случилось? Не ужели появился новый жених?

– Ну да. Он не новый. Старый. Нет, нет, он не старик, он молодой. Просто он раньше был моим женихом. Он вернулся ко мне и забрал меня из той квартиры. Знаешь, пусть лучше мужчины поговорят обо всём сами. Можешь даже включить громкую связь.

Лия передала ему трубку, попутно объяснив, что почти так же, как во всех знаменитых комедиях, у девушки оказалось одновременно сразу два жениха.

– Слушаю вас. С кем я разговариваю?

– Мы с вами не знакомы. Собирались сегодня встретиться, но, к сожалению, теперь навряд ли получится. Хотели всё разъяснить. И даже пригласить на свадьбу. Говорят, что вы весь из себя такой крутой, что считаете себя выше всех этих условностей. И наверняка будете безумно рады счастью своей любимой девушки. И не переживайте, пожалуйста. Имейте в виду, что она никогда вас и не любила. Всё было сделано исключительно для того, чтобы позлить меня. Ну и наверняка не без надежды на то, что я всё-таки вернусь. Что и случилось. Вначале я просто хотел забрать её, но она уверяла, что вам нужны какие-то разъяснения. А дать их вам я не готов. Терпеть не могу выяснения отношений. Меня мутит от одной мысли, что я кому-то что-то должен

Объяснять.

– Понимаю вас. Сам такой же.

– Между собой мы уже всё выяснили. Вам же вся эта информация ни к чему. Слишком это личное. Короче, сегодня мы хотим разослать приглашения, а в конце следующей недели планируем сыграть свадьбу. Всё будет очень скромно. Друзья, родственники, словом, самые близкие люди. Вас с Лией она тоже хочет пригласить. Приходите. Будет весело. Запомните, пожалуйста: следующая суббота, отель «Чираган», шесть часов вечера. Кстати, мы заказывали этот зал ещё до того, как вы с ней встретились. Заказ я так и не отменил. Видимо, правильно сделал.

Пару часов тому назад этот молодой человек был одним из самых счастливых людей на земле. Сейчас он выглядел как слизняк, по которому прошёлся сапог этого альфа-самца. Оставшийся месяц их учёбы Лия провела рядом с ним. Водила на занятия. Заставляла завтракать, обедать и ужинать, вовремя ложиться спать, вставать по звонку будильника. Он её никуда не гнал. Просто потому, что не замечал. Глаза его были пусты, а сам напоминал какую-то жалкую копию того красивого, харизматичного, обаятельного парня, каким он когда-то был. Он даже позволял ей иногда гладить себя по голове. Как ребёнка. Но как же всё это было так далеко от той близости, о которой она всю жизнь мечтала.

Потом они вдвоём вернулись в Баку. И он пошёл работать в военный госпиталь. На вопрос матери: «По чему?» он дал

весьма странный ответ:

– А там всё по-настоящему. Без розовых соплей и абсолютно никому не нужных, а порой просто очень вредных эмоций и чувств.

Мать всё же рискнула спросить у него:

– Зачем ты всё-таки пошёл на эту идиотскую свадьбу? Да ещё и Лию с собой потащил!

– Мама! Тебе не понять! Она подарила мне три месяца счастья. Неважно, что произошло потом. На верное, нам не суждено было быть вместе. Но всё же я ей безмерно благодарен. За всё то, что было. Сейчас она счастлива. Может быть, я и не смог бы сделать её такой счастливой. Кто знает?

И тут опять у меня в мастерской воцарилось молчание. Я всё же хотел набраться смелости, может быть, даже возмутиться и всё-таки узнать, зачем же всё это мне рас сказывают. Именно в эту минуту и заговорила его жена.

– Лия написала нам письмо. Вернее, это даже не письмо, а такая короткая записка, объясняющая, по чему она переслала нам весьма странный документ. Она пишет о том, что когда всё это завершилось, наш сын сказал ей, что он готов исполнить любую её просьбу. Она даже не забыла отметить, что после всего этого он долго-долго смеялся и сказал:

– Только не требуй, чтобы я немедленно влюбился в тебя и женился на тебе. Ты же понимаешь, что это невозможно.

– Да я уже и не мечтаю об этом. Лишь бы живой остаться после всех этих страстей. Почти мексиканский сериал. Но

просьба у меня всё же будет. Но до того, как я её озвучу, ты должен дать мне слово, что обязательно её исполнишь.

– Клятвенно обещаю.

– Я хочу, чтобы ты сдал свои образцы в банк спермы. И дал мне право распорядиться ими тогда, когда я этого захочу. Обещаю, что после того, как мы вернёмся в Баку, я сдам тебя на руки родителям и просто уеду. И ты никогда в жизни меня больше не увидишь. И даже никогда не узнаешь о том, что воспользовалась я твоим подарком или нет.

Как это ни странно, но он исполнил её просьбу.

– Она прислала нам эти сертификаты. А ещё приложила к этому нотариально заверенные документы, даровав нам право распоряжаться этим генетическим материалом. Рекомендовала нанять суррогатную мать. И через девять месяцев получить внука. Это могла бы быть, по её мнению, заместительная терапия для нас. Ей кажется, что заботы о внуке должны сыграть огромную роль в нашей жизни. И, конечно же, они смогут уничтожить весь спектр негативных эмоций, связанных с потерей сына. При этом учтите, что она при слала только его документы. Женский генетический материал мы должны сами найти в соответствующем банке.

Я был уверен, что они уже приняли решение. И наверняка мечтают о том дне, когда крик этого маленького, только что родившегося человечка, ворвётся в их

жизнь, ознаменовав собой начало нового этапа в их безрадостном существовании, преисполненном тоски по сыну.

Но оказывается, я глубоко заблуждался.

– Мы с женой твёрдо решили, что не будем делать этого. Пусть этими чудотех-нологиями пользуются люди, у которых есть серьёзные проблемы со здоровьем. Нам же кажется, что в нашем случае это является чем-то, направленным против воли самого господа бога. Мы не смогли решиться на это.

После того как мы приняли это решение, просто уселись на нашем любимом диване, пили чай и смотрели на нарисованные вами замечательные гранаты. И тогда жена сказала, что перед тем, как написать Лие, надо всё-таки ещё посоветоваться и с вами. В моих рассказах вы почему-то всегда выглядите как человек, которому доступна мудрость веков. Вчера мы так и не решились сказать всё это. Просто разговор никак не складывался. Сегодня мы всё же набрались смелости и рискнули рассказать вам всё это. И хотим услышать только одно из двух слов: правильно это или неправильно?

– Правильно. Не просто правильно, а очень мудро. Самое верное решение, которое только можно принять.

А потом мы сидели и молчали. Вдруг я решил прервать это молчание. Сам не знаю почему, но мне вдруг захотелось рассказать им старую притчу моего деда. Может быть, кому-то она покажется просто чудачеством неординарного человека. Многие уверены в том, что в наши дни, когда всё так

быстро меняется, все эти размышления о судьбе, предопределении, о каком-то роке, висящем над людьми, – всё это просто пустой звук. Но я убеждён, что это не так. Во всяком случае у нас в роду всегда прислушивались к той мудрости, что изначально заложена во всех этих незатейливых историях. Именно поэтому я всё же решил и заговорил:

– Говорят, что когда-то в наших краях жил очень умный и предприимчивый купец. У него дела всегда шли в гору. Но рано или поздно почему-то у него всегда наступал такой-то момент, что его постигала неудача. Он, конечно же, и после этих неудач оставался довольно-таки обеспеченным человеком. Но ему никак не удавалось стать настолько богатым, чтоб он мог гордиться своим богатством. А ещё, может быть, и кичиться тем, что он достиг всего этого исключительно своим трудом и умением. И когда ему кто-то говорил, что надо смириться и понять, что не суждено ему быть очень богатым человеком, то он обижался.

– Я же умный. И всегда поступаю честно. Я ведь знаю рынок лучше других. Почему же я не могу быть таким же богатым, как некоторые мерзавцы, которые не стоят моего отрезанного ногтя?

– Всё это ничего не значит. Просто, если в книге судеб нет записи о том, что тебе суждено стать очень богатым, то значит, ты и не станешь им. У тебя же есть всё, что нужно для безбедной жизни. Зачем тебе богатство?

– Глупости всё это. Я же хорошо понимаю, чего я достоин.

А потом произошло удивительное событие. Как-то он с двумя сыновьями возвращался из далёкого Китая. Дела у него в этот раз шли настолько хорошо, что он сам боялся верить своей удаче. До родного города уже оставался всего день пути. Караван-сарай, в котором они тогда остановились, всегда славился своим комфортом и безопасностью. Они уже готовились ко сну, когда вдруг послышался какой-то жуткий шум. Тогда они затаились в своей келье. Смогли подавить своё любопытство. И даже не поинтересовались тем, что же происходит снаружи. Боялись рисковать. Ведь у них в дорожных сумках было огромное количество ценностей. А они так мечтали живыми и здоровыми добраться до родного города и начать новую прекрасную жизнь со всеми этими большими деньгами, что смогли заработать в этом непростом путешествии. Наконец они дождались, когда вокруг всё стихло. Наступила тишина.

Тогда они вышли из своей кельи и обнаружили, что каравансарай был кем-то безжалостно разграблен. Кругом не было ни одного живого человека, а весь каравансарай выглядел как жалкая копия того прекрасного очага гостеприимства, порог которого они вчера переступили. Было абсолютно неясно, куда же делись те люди, что заселились сюда. Исчезли не только все постояльцы, но и хозяева.

Двери же каравансарая были просто нараспашку. Создавалось ощущение, что здесь прошёл какой-то смертоносный ураган и лишь их келью почему-то он так и не затронул.

Как будто некая неведомая сила уберегла именно их от этого разбойничьего вторжения. Было очевидно, что отсюда надо немедленно уходить. Рядом с каравансараем на стоянке кричали голодные верблюды. Среди них были и те три, на которых они прибыли сюда.

После этого осмотра купец велел сыновьям вновь вернуться в их келью. Там он разделил все их богатства ровно на три части. Отдал сыновьям их долю, а свою забрал с собой. Им он лишь сказал:

– Мне срочно надо уехать. Я совсем забыл об одном важном поручении моего друга, которое я обязательно должен выполнить. Поэтому мне необходимо посетить соседний город. А вы возвращайтесь домой. Живите, как и жили раньше. Ещё никогда в нашем распоряжении не было такого количества свободных средств. Но вы многому научились за эти годы. Думаю, что сумеете всем этим разумно распорядиться.

Он простился с ними на пороге этого каравансарая. И хорошо себе представлял, что судьба его сыновей может сложиться по-разному. Может быть и близок их родной город, но кто его знает, какие опасности могут ожидать двух молодых людей, путешествующих с таким количеством денег. Да ещё без всякой охраны и сопровождения. Но всё же он почему-то был уверен, что с ними всё будет хорошо.

Всю дорогу он размышлял о том, что судьба сделала им сегодня просто царский подарок. Они могли потерять всё. В том числе и свои жизни. Но так уж сложилось, что они

не просто выжили, но даже смогли сохранить всё то, что было заработано в этом путешествии. Он понимал, что после столь невероятного везения, скорее всего, последует время больших потерь. Теперь удача наверняка отвернётся от них. Именно в силу своей убеждённости в этом он и решил сразу же покинуть своих сыновей.

Независимо от того, являются ли люди близкими по крови или нет, у каждого из них своя линия судьбы. Он надеялся, что, покидая своих сыновей, он сможет увести за собой все те тёмные силы, что могут последовать за ними. И всё время взывал к высшим силам добра, милосердия и справедливости с мольбой о том, чтобы те помогли его сыновьям.

– Господи! Прости все мои прегрешения. Пусть меня постигнет самая страшная кара за каждую мою провинность. Но я молю тебя о том, чтобы силы зла были далеки от моих сыновей. Прости и спаси их. Даруй покой их душам и обеспечь благополучие моей семьи. Вразуми их. Сохрани их. Если они обретут достаток и богатство, то пусть в их сердцах постоянно будет царить милосердие и желание творить добро. Я же стою перед тобой, исполненный решимости принять на себя любые испытания судьбы без единого упрёка или жалобы. Я поборол свою гордыню. И нет уже в моём сердце глупой веры в то, что можно разбогатеть вопреки предначертанию судьбы.

Прошло три года. В один ненастный день в родном городе этого купца появился человек, одетый в страшные лохмотья.

Он с трудом наскрёб сумму, которую ему необходимо было заплатить, чтобы помыться в бане. После того, как он завершил своё омовение, вдруг обнаружил, что его лохмотья исчезли. То ли кто-то на них позарился, то ли их выбросили, сочтя недостойными этого почтенного места. Но факт оставался фактом. Он был бос и гол. И нечем ему было прикрыть даже свой срам. Кругом все возмущались, что, оказывается, и столь обездоленного человека можно было ограбить.

К нему вышел хозяин бани. Велел дать ему хоть какую-то одежду. Он поблагодарил его и оделся. А ещё поинтересовался, как поживают два молодых человека, которых он когда-то называл своими сыновьями.

– О, это самые уважаемые люди нашего города. Самые богатые и самые справедливые. Но ты же чужак. Откуда ты знаешь о них?

Тогда он попросил хозяина бани, чтобы тот помог ему встретиться с этими людьми.

– А не вызовет ли это гнев у них? Пойми меня правильно. Между тобой, как человеком, у которого нет абсолютно ничего в этом мире, и людьми, являющимися фактическими хозяевами этого города, лежит огромная пропасть.

– А можно мне дать бумагу, чтобы я написал им письмо?

– Нет. Бумага вещь недешёвая. Могу дать тебе посылного. У него хорошая память. Скажи ему, что ты хочешь, и он всё передаст слово в слово.

Банщик, будучи очень неглупым человеком, понимал,

что, видимо, за действиями этого старика скрывается какая-то тайна. Он велел накормить его, напоить чаем и дожидаться хоть какой-нибудь реакции на визит посыльного. Однако, спустя некоторое время, банщик был поражён, что на его пороге оказались эти два влиятельных господина. Они с большим почётом приветствовали этого старика и забрали его с собой. Несмотря на то, что банщик изнывал от желания узнать хоть что-то об этой истории, он так и не посмел задать ни одного вопроса.

Сыновья этого купца прежде всего поразились тому, как постарел их отец за эти три года. Он ушёл от них, имея на руках ровно столько же денег, что и каждый из них. Тогда он был крепким мужчиной в самом расцвете сил. А сейчас перед ними сидел старик, преисполненный такой немощи, что поневоле вызывал жалость. Они так и не отважились о чём-либо расспрашивать его. Просто всеми доступными способами выражали свою любовь и почтение. Понимали, что ему надо отдохнуть и набраться сил. А потом, когда он придёт в себя, то они, конечно же, поговорят с ним и обо всём узнают.

Старик быстро уснул. В прекрасной обстановке, которой так давно уже не было в его жизни. Равно как и чистой одежды, удобной постели, вкусной еды. А ещё не было в ней такого уровня уважения и любви к его скромной персоне. И снился этому старику сон. Сон был совсем не добрый. В нём его собственный отец читал ему нотации. Точно так же, как и много лет тому назад, когда он был маленьким мальчиком и

время от времени раздражал его своими глупыми шалостями. Голос отца не был грозным. Скорее, он был печален и преисполнен каких-то непонятных ему укоров.

– Господи боже мой! Ну почему ты такой тупой и глупый? Твои сыновья смогли возвыситься исключительно потому, что так было предписано им судьбой. Но, вернувшись сюда, ты снова пытаешься сплести линию своей судьбы с их предначертанием. И ни к чему хорошему это не приведёт. Подумай об этом.

Утром сыновья, зайдя в комнату отца, обнаружили его мёртвым. Устроили ему пышные похороны. И всё сокрушались, что не смогли в своё время уговорить отца вместе с ними вернуться в их родной город.

У этой притчи нет морали. Вернее, у неё её слишком много. И самая простая из них заключается в том, что убогому человеческому уму не дано постигнуть высшие тайны бытия. Нас всех развратил убогий материализм. Мы убеждены, что логика и рациональные рассуждения стоят выше иррационального понимания сути всего сущего. Так уж мы устроены.

Я кончил говорить. Наступила какая-то звонкая тишина. Кругом всё было настолько прекрасно, как это бывает в самый разгар весны. Чирикали птички, доносился пряный запах цветущих деревьев, да и сам воздух просто пьянил.

Как это ни странно, но моё общение с этой прекрасной парой продолжалось. Каким-то образом они смогли пробить

брешь в моей броне. Они ко мне заезжали просто так. Без звонка, без предупреждения, сами выбирая день и время. Как правило, привозили с собой большую пачку хорошего чая. Мы сидели в саду, за железным столиком эпохи железного занавеса и просто пили чай вприкуску. Обычно молчали. Слушали птиц, кузнечиков, наблюдали за бабочками и оса ми. Всё было хорошо.

В один из этих визитов они вдруг спросили меня о том портрете в мастерской. И я вдруг решился. И впервые в жизни рассказал практически чужим людям всё о своей потерянной любви. О том, что в тот злосчастный день какая-то ржавая железяка не только ломала мое тело, но и калечила мою любовь. И не верьте сказкам о том, что любовь может жить в разлуке. Она от неё умирает. Медленно, мучительно, агонизируя и пытаюсь спастись. Но всё же умирает. И в конце концов я поведал им о том, что никому и никогда не рассказывал.

– Похороны моей любви прошли тогда, когда пала советская империя и рухнули границы. Именно тогда моя история получила своё логическое завершение. Меня нашли представители конторы с каким-то заумным юридическим названием. Искали они меня согласно завещанию той, которую я когда-то именовал своей девушкой. Мне передали адресованное мне письмо и сказали, что отныне её нет в мире живых.

Это письмо объясняло мне её загадочное исчезновение.

Оказывается, она тогда больше всего испугалась того, что меня уничтожат, просто сотрут в порошок и закопают в никому не известном месте. Словом, просто убьют. Возможности семьи Злого человека и лично его самого она знала, конечно же, гораздо лучше меня. Вот она и уехала. Уехала, будучи твёрдо уверенной в том, что никогда уже не сможет быть со мной и, только покинув меня, может спасти. Именно так она могла обеспечить мою безопасность.

В письме говорилось, что всё у неё сложилось очень хорошо: прекрасный муж, умнейший сын и насыщенная яркими событиями счастливая жизнь. Там была приложена фотография этой замечательной семьи. Меня трудно обвинять в предвзятости, но её сын был удивительно похож на моего деда, на моего отца и на меня самого. Но это был именно её сын. Да, я был, видимо, его биологическим отцом, узнавшем о его существовании поздно слишком. Вот и не было у меня права называть его своим сыном. Но как же всё-таки я обрадовался тому, что он всё-таки есть. Живой кусочек памяти о тех прекрасных днях, когда я был счастлив рядом с самым удивительным существом в этом мире.

Я прекрасно понимал, что никакие мои поиски ничего не дадут. Ведь я ничего не знал об этой девушке кроме её имени, звучащем для меня как песня на языке. А юристы, вручившие мне эту фотографию, ничего не могли или не захотели мне сообщить. Они про сто выполняли то, что им было поручено.

Потом я ещё рассказал о том, что после того, как я уехал на учёбу в Москву, мой сосед по даче написал мне письмо. Он сообщал мне, что парни, так жестоко избившие меня, погибли в автокатастрофе. Все втроем. Случилось это буквально через пару недель после того, как я уехал. Грузовик с пьяным водителем, выехавший глубокой ночью на встречную полосу, не оставил им никаких шансов на выживание. В отличие от своего соседа я не считал это проявлением какой-то высшей справедливости и наказанием за то, что они чуть не сделали меня инвалидом.

У судьбы свои собственные сценарии. И мне кажется, что такое понятие, как справедливость, не находится в арсенале тех понятий, которыми она оперирует. А вот связи между отцами и детьми она порой выстраивает так, что они могут подпадать под любые жанры. Чаще трагедийные, чем комедийные. Ведь это всё-таки столь вечные темы, что от них не уйти и не скрыться.

– У вас был прекрасный сын, а вы оба были замечательными родителями. Его забрала война. Я же смог стать отцом абсолютно случайно. В то время, когда я всё пытался понять природу праздника, изображённого на полотнах одного прекрасного художника. А потом сам стал участником самого замечательного праздника в моей жизни – праздника любви. Но любой праздник рано или поздно заканчивается. Мой закончился слишком быстро. И отобрал у меня мою любовь и возможность стать настоящим отцом для того красавца, что

был на том снимке.

Я кончил говорить. Мы посидели ещё какое-то время, а потом даже толком не попрощались. Просто кивнули друг другу. Они ушли. Я же ещё долго не мог успокоиться и удивлялся тому, как непостижимым образом рок в этой истории любви погибшего воина и предавшей его красавицы показал своё подлинное лицо. Согласно его скрытым, никому не ведомым канонам, любовь этого парня изначально была обречена на смерть. А когда она умерла, смерть начал искать он сам. И нашёл её. Круг жизни замкнулся.

Мой гость объявился в очередной раз с какими-то книгами. Я сразу же узнал тот восьмисот-страничный кирпич, на который мне в молодости не хватило денег. Гость почему-то улыбался. И вновь произнёс абсолютно дурацкую фразу:

– А ты знаешь, что нашёлся всё же человек, который не поверил в существование абсолютно невысказанного «коктейля», сочетающего в себе интеллектуала, писателя, храброго вояку и государственного деятеля. Он написал специальную анти-биографию, в которой попытался развенчать этого великого француза. Но всё было напрасно. Мифы о нём обрели уже такую силу, что не могли поколебать веру в то, что был когда-то такой человек, в котором прекрасно сочеталось, казалось бы, несочетаемое. Я заказал тебе перевод этой биографии. А заодно привёз и саму книгу. Я долго искал, но всё же нашёл и ту самую монографию, которую ты когда-то не смог купить. Не благодари. Это такая малость по сравнению

с тем, что ты для нас сделал. Береги себя. Сейчас таких людей нет. Да и навряд ли когда-нибудь будут. Время просто другое. Но, как говорится, времена не выбирают.

– Да, знаю. В них живут и умирают. Даже если переезжают.

– А куда он переехал?

– Кажется, в Израиль.

– Поэту всё можно. Он везде будет чувствовать себя одновременно и любимцем судьбы, и изгоем. В одном лице. Он же поэт. Не то, что мы.